

УДК 821.161.1

Н. А. Скрынник

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В І ДЕЙСТВИИ ПЬЕСЫ А.Ф. ПИСЕМСКОГО «МИЛОСЛАВСКИЕ И НАРЫШКИНЫ»

А. Ф. Писемский, приступая к работе над трагедией «Милославские и Нарышкины» (1867, опублик. 1886), обратился к доступным ему историческим сочинениям и тщательно указал их источники в примечаниях к тексту пьесы. Предметом его интереса стал драматический период русской истории, пришедшийся на 1689 г. В ремарках к первому действию указан не только год и месяц, но и день – 17 мая, что дает точную отсылку к историческому событию – Стрелецкому бунту или Хованщине. Действие пьесы начинается в третий день бунта. Во втором действии описаны события 5 июля – Раскольничьей смуты, время действия пятого действия – 11 сентября 1689 г., – день опалы князя Василия Васильевича и его сына Алексея, по приказу Петра лишенных чинов и высланных в Яренск: лишь заступничество князя Бориса Алексеевича Голицына спасло их от смертной казни.

Источником сведений об этом историческом периоде были, как указывает сам драматург, «История России...» С. М. Соловьева, статья Щербальского «Царевна Софья Алексеевна» (1856), первый том «Истории Петра Великого» (1858–1863) Н. Г. Устрялова, а также работа И. Д. Беляева «Земские соборы на Руси» (1867), причем в разных действиях трагедии обнаруживается преобладание разных источников. Костюмы и интерьер той поры А. Ф. Писемский изучал по двум работам: И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей» (1862) и рисункам к описанию путешествия по России А. Мейерберга. Его записки писались на латыни и были опубликованы в 1820 г., а русском переводе печатались дважды. Вероятно, А. Ф. Писемский был знаком с переводом Барсова, опубликованного в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1882) и комментариями к этой публикации Аделунга «Барон Мейерберг и путешествие его по России»

(1827), где публиковались снимки с рисунков с пояснениями Мейерберга.

Историческая канва событий и подробности Стрелецкого бунта почерпнуты драматургом из XIII и XIV тт. «Истории России...» С. М. Соловьева, где описаны события 1682 и 1689 гг. Историк подробно воссоздает причины, ход, участников и жертв бунта стрельцов. А. Ф. Писемский идет буквально за ним, сохраняет имена исторических лиц, даже мельчайшие подробности об их участии в бунте. Так, в 1 явлении 1 действия происходит диалог ключницы Клушиной и князя Василия Васильевича Голицына. «Голицын. ... а где Кирило Полуэктович и Иван Кирилыч? Клушина. Спрятаны, батюшка!.. Не велено и сказывать куда, и тебе не скажу!.. Сама их, голубчик, укутала да ухоронила» [2, с. 67-68]. Драматург делает сноску на статьи П. К. Щебальского, в которой, в частности, говорилось: «Все эти дни Иван Нарышкин с отцом своим Кириллом Полуектовичем, с некоторыми другими своими родственниками, с семнадцатилетним сыном Артамона Сергеевича Матвеева, скрывался в разных потаенных местах собственных покоев царевны Натальи Алексеевны. Но не считая жилище своей дочери достаточно надежным убежищем, царица упросила свою золовку Марфу Матвеевну укрыть у себя этих несчастных. Вследствие этого, они все были тайно переведены в отделение царицы, и скрыты верной ее прислужницей, Клушиною, в отдаленных покоях. Там проводили они ночное время; утром же, как скоро звон набата возвещал приближение стрельцов, их прятали в тайный чулан, между перинами, где они сидели, и по счастью не были открыты, хотя слышали яростные вопли мятежников, слышали шум их шагов, звук их оружия, видели, наконец, этих людей, неоднократно пробегавших мимо их убежища» [4, с. 38-39]. Этот же момент описан и С. М. Соловьевым: «16 мая утром стрельцы с теми же криками, при набате и барабанном бое опять явились у дворца с требованием выдачи Ив.Кир. Нарышкина <...> Ив.Кир. Нарышкин с отцом, братьями, родственниками и сыном убитого Матвеева, Андреем Артамоновичем, прятались сначала при комнате маленькой царевны Натальи Алексеевны, а потом в комнатах царицы вдовы

Марфы Матвеевны; одна только постельница Марфы, Клушина, знала об убежище несчастных. 17 числа на рассвете Клушина отвела их в темный чулан, где они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совету Матвеева, нарочно оставили отворенною для избежания подозрений» [3, с. 263-264]. Историки совпадают в своих описаниях, и этот момент кладется в начало завязки трагедии.

В диалогах князя Голицына и князя Одоевского пересказываются события двух последних дней бунта, причем А. Ф. Писемский вводит в их реплики лишь упоминание ключевых моментов: убийство Матвеева, умиротворение стрельцов, попытка инспирировать новый всплеск волнений. «Князь Одоевский. Покойный Матвеев тоже вышел к бунтовщикам, стал им говорить: "братцы, говорит, прежде вы сами бунты замиряли, пошто же теперь деланья ваши помрачаєте?" Как девки красные, злодеи устыдились и стали было отваливать, а тут, гляжу: бочки с вином через Спасские ворота катят. "Про кого такие?" говорю. "Про народ, говорят, и про стрельцов от Милославского, чтобы помирнели!" С вина, по его человеку смиреннее будет!» [2, с. 69]. Описание историка А. Ф. Писемский вкладывает в уста князя Одоевского, видевшего эту сцену, однако известно, что Одоевский участником событий не был.

С. М. Соловьев упоминает о том, как Матвеев сумел пристыдить стрельцов: «Тут Матвеев сошел с крыльца за решетку и стал уговаривать стрельцов, припомнил их прежние заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственным мятежом уничтожают все старые подвиги. Тщетно Хованский, как говорят, делал стрельцам знаки, чтоб они бросились на Матвеева: стрельцы оставались тихи и неподвижны и просили Матвеева, чтоб заступился за них пред царем. Матвеев, довольный оборотом дела, возвратился наверх к царице. Но заговорщики не дремали: видя, что дело не ладится перед дворцом, они направили толпу самых отчаянных стрельцов <...> Князь Михайла Долгорукий, о котором не было слышно во все продолжение страшной смуты, тогда как его было дело не допускать до этой смуты, теперь, когда стрельцы находились в затруднительном положении, пришедши по нелепому слуху

в Кремль ко дворцу, и когда были утишены Матвеевым, теперь князь Михайла вздумал разыграть пред ними начальника: с бранью и угрозами начал он на них кричать, приказывая сейчас же убираться из Кремля в свои полки. <...> Стрельцы вышли из себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на подставленные копыя, полумертвого изрубили бердышами. <...> а тут из сеней Грановитой палаты вбегают другие стрельцы и бросаются на Матвеева. Царица и князь Михаил Алегукович Черкасский хотели было защитить его; но стрельцы вырвали у них Матвеева и сбросили на площадь против Благовещенского собора: тут изрубили его на мелкие части» [3, с. 261-262]. А. Ф. Писемский вводит этот момент в реплику Одоевского, но меняет мотивировку: устыдившись справедливых слов Матвеева, стрельцы начали расходиться, однако во двор вкатили бочки с вином, посланные Милославским, которые разгорячили и без того беспокойную толпу. Таким образом, драматург делает Милославского, а не Долгорукого виновным в начавшихся убийствах: в завязке трагедии обозначается одна из ключевых фигур будущих событий.

Но драматург углубляет противоречие между действующими лицами: они заняли разную позицию в момент выбора будущего царя: здесь он опирался на статью «Царевна Софья Алексеевна». По нашему мнению, и сам замысел показать сложный период русской истории сквозь призму противостояния Милославских и Нарышкиных был подсказан этим историческим исследованием. Так, П. К. Щебальский писал: «Можно вообразить себе, сколько интриг кипело вокруг одра умирающего царя. Языков и прочие любимцы Феодора, не имевшие прочных связей при Дворе, а следовательно и видов на будущее, скоро исчезли посреди столкновения враждебных интересов Милославских и Нарышкиных, которые одни заняли арену. На борьбу этих двух партий было обращено всеобщее внимание; будущность должна была решиться между ними: от них зависело, Петру ли царствовать, или Иоанну? Милославские выставляли право первенства Иоанна Алексеевича, Нарышкины опирались на намерение, приписываемое обоим царям, назначить

себе наследником Петра. Множество бояр и других знатных людей поспешили из своих поместий в Москву и становились под знамена той или другой партии. Нарышкины успели заинтересовать в свою пользу царицу <...> Милославские с беспокойством увидели этот успех своих противников и поспешили противопоставить влиянию царицы Марфы Матвеевны влияние царевны Софии Алексеевны» [4, с. 12-13]. Но в трагедии обозначившееся противоречие выступает постепенно, обозначается в репликах действующих лиц и отвечает не столько исторической, сколько художественной правде.

Когда князь Голицын говорит: «Кто за кого кричал, в этом омуте патриарх разве мог разобрать?.. Кричали, может быть, больше на Иоанна, а сочли все за Петра», акцентируется сомнение в правильности понимания народного выбора, – сомнение, вызвавшее новую волну стрелецких волнений. В статье П. К. Щебальского этот момент не имеет такого смысла, выборы описаны четко, однозначно: «Не без надежды и не без тревоги ожидали обе партии народного приговора. Но еще София не успела преклонить на свою сторону большинства; тщетно некоторые ее агенты, набранные из буйной сволочи, которой обильны всегда большие города, пытались провозгласить Иоанна: из всей этой густой толпы возвысился один голос, один приговор: “Да будет царем Петр!” Патриарх благословил народ и произнес: “Ему единому, или вместе с братом царствовать?” – и шумный голос народа еще раз отвечал ему: “Да будет царь Петр единым самодержцем всея России!”» [4, с. 22]. С. М. Соловьев, также обращающийся к народным выборам, пишет: «Патриарх с архиереями и вельможами вышел на крыльцо, велел всяких чинов людям собраться на площади перед церковию Спаса и спросил: кому из двоих царевичей быть на царстве? Раздались крики: “Петру Алексеевичу!” Раздались и другие крики: “Иоанну Алексеевичу!” – но были заглушены. Всех чинов люди решили дело патриарх возвратился во дворец и благословил на царство Петра» [3, с. 254]. Говоря другими словами, в «Истории» С. М. Соловьева, как и в статье П. К. Щебальского события представлены почти идентично: голоса за Петра звучали более определенно, патриарх имел основания

благословить его на царство. Почему же драматург делает сноску именно на статью П. К. Щебальского?

На наш взгляд, это связано с тем, что историк все же не дает окончательного ответа на вопрос о тонкостях борьбы сторонников Иоанна и Петра, открывая драматургу простор для художественного вымысла. П. К. Щебальский признается, что не имеет достаточных источников для вынесения объективного суждения, и это сомнение позволяет А. Ф. Писемскому интерпретировать события согласно собственному замыслу: «Большинство присутствующих было расположено к Петру, – писал П. К. Щебальский, – ибо состояло почти исключительно из вельмож и духовенства, и потому весьма понятно, что младший царевич восторжествовал в этом собрании. Но зачем решение первого собрания было потом предложено на утверждение народу? Как известно, обычай совещаний народных давно исчез в России; кто же мог сделать подобное предложение? Очевидно приверженцы Софии, которые, опираясь на расположение некоторой части стрельцов, могли ожидать в приговоре массы народной более благоприятного для себя решения. Заключение наше не опирается, правда, ни на одно слово ни в официальных документах, ни даже в частных известиях; но тогда ни в России, ни в других государствах не существовало обычая обнародовать сами прения, а объявлялся только результат их: так делало правительство в своих официальных актах, того же обычая держались и частные люди, когда вели свои записки. Много любопытнейших подробностей погибло таким образом для нас без всякого следа. Но мы ни чем иначе не можем объяснить намерение собрания подвергнуть новым случайностям утвержденное уже решение, как влиянием партизан Софии» [4, с. 21]. Именно такое истолкование дает событиям герой трагедии А. Ф. Писемского, князь Одоевский: «Не знаю, князь Василий Васильевич, что ты про себя думаешь; но чтобы тебе не вестать того, что не в цесаревиче Иоанне дело, – этому я не верю. – Что цесаревич разумом слаб и главою скорбен, знает про то всяк, и не об нем радеют, а об Милославском, и не об Милославском, а об царевне Софье Алексеевне» [2, с. 71].

«Историю России...» А. Ф. Писемский использует и при истолковании поведения Софьи Алексеевны на похоронах. Историк довольно точно объясняет психологическое состояние противоборствующих сторон. Он писал: «Ненавистная мачеха будет правительницею – эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. В день погребения царя Феодора она удивила всех, пошедши за гробом в собор, вопреки обычаю, не допуская царевен участвовать в подобных церемониях. Напрасно отговаривали ее, представляли, что не годится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорят, обратила на себя внимание народа страшным воплем. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и с другой стороны: царица Наталья и царь Петр, простившись с покойником, возвратились во дворец задолго до окончания службы, за ними последовали и некоторые вельможи. Легко поверим известию, что этот поступок произвел сильное негодование на половине царевен, из которых Анна и Татьяна Михайловны, как тетки царские, пользовались особенным уважением. Они отправили монахинь к царице Наталье с выговором: “Хорош брат: не мог дожидаться конца погребения!” Царица отвечала, что Петр еще ребенок, не мог выстоять такой долгой службы не евши” <...> Погребение кончилось; Софья возвратилась во дворец, и рассказывали, будто она, идя из собора и горько плача, обращалась к народу с такими словами: “Видите, как брат наш царь Феодор неожиданно отошел с сего света, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь над нами, сиротами, нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата; старший брат наш Иван не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским”» [3, с. 255]. Описание событий, давших дополнительные основания для бунта стрельцов, А. Ф. Писемский вкладывает в уста Натальи Кирилловны, что психологически очень верно: она обижена тем, что поведение ее и Софьи истолковано намеренно неправильно: «Я в самый день похорон, Петрушу... долгой похоронной службы он не выдержал... увела его в хоромы покормить, – как псид каких, Анна

Михайловна и Татьяна Михайловна прислали ко мне монахинь своих лаяться, за чем я не держала младенца до конца погребения родича?.. А Софья Алексеевна тем же днем, не скрываючись, выла на весь народ, что осталась она без отца и матери, и что если братец ее Иван на царство не выбран, так отпустили бы ее в земли иностранные, к королям христианским» Почто ж вы, бояре, все им это спускаете и поблажаете?» [2, с. 74]. Мотив обиды не получает развития в трагедии, однако несправедливость по отношению к Наталье Кирилловне и Петру освещает все действие определенным светом.

Во всяком случае, С. М. Соловьев дает совершенно определенное истолкование дальнейшим событиям: «Для них [Софьи и Милославских – Н.С.] одна половина дела была сделана – Матвеев убит; оставалось сделать другую – отнять правление у мачехи, что легко было теперь сделать при помощи стрельцов, полновластных господ в Москве; еще 16 числа Хованский спрашивал стрельцов: “Выгнать ли из дворца царицу Наталью Кирилловну? – и получил в ответ: “Любо, любо!”» [3, с. 258]. В VII–XIX явлениях показано, как с помощью Хованского и Голицына Софья Алексеевна получает всю власть.

Из обширных описаний С. М. Соловьева драматург отбирает фрагменты, которые способствуют характеристике нравственного состояния действующих лиц. Так, в VII явлении I действия перед Натальей Кирилловной стоит нелегкий выбор: стрельцы требуют выдачи ее брата, Ивана Нарышкина, а это означает его верную смерть. «Софья Алексеевна (вмешиваясь в разговор). В самотко, Наталья Кирилловна, не погибать же нам всем из-за твоего брата, и тебе его уже никак не отбить от народа. Князь Одоевский (подхватывая). Где тут отбить!.. Сколько тоже не жалей, а отдать придется, и тебе, Ивану, самому идти скорей надо! Иван Кирилыч. Я иду!.. (К Хованскому). Веди! Софья Алексеевна. Возьми, Иван Кирилыч, образ Богоматери!.. Со святыней в руках злодеи тебе ничего не сделают. <...> Царица (обращаясь к Софье Алексеевне). И ты, тигрица, говоришь о святыне!.. (Бросаясь к брату на шею). Не в пасть к народу, а вот к ней и к этим крамольникам кидаю я

тебя!.. (Показывая на Софью Алексеевну и бояр, и продолжает рыдая). Одним я перед вами, моими кровными, виновата, что возвела на эту высь к царскому трону; но не сама я сюда шла, а красота моя, что пленила царя, возвела меня в этот ад кромешный. <...> Иван Нарышкин. Я готов!.. (кланяясь общим поклоном). Простите меня, Христа ради... да будет смерть моя последняя!» [2, с. 76]. В сравнении с источником А. Ф. Писемский меняет место действия – вся сцена происходит в палатах царицы – сокращает протяженность события, заключая его в несколько реплик действующих лиц, иначе расставляет акценты.

С. М. Соловьев описывает этот момент так: «Царевна Софья резко сказала царице Наталье: “Брату твоему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем за него!” Перетрусившиеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тем избавить их от смерти. Делать было нечего: Нарышкина вывели из его убежища и привели в церковь Спаса за Золотою решеткою; здесь его исповедали, приобщили, особоровали; по совету Софьи ему дали держать перед собою образ богородицы: быть может, убийцы постыдятся святыни? Началось страшное прощание сестры с братом, которого вели на мучительную смерть. Это прощание некоторым показалось очень долго. Перетрусившийся старик, князь Яков Никитич Одоевский, не мог выдержать, стал торопить царицу: “Сколько вам, государыня, ни жалеть, а все уже отдать придется; а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, а то нам всем придется погибнуть из-за тебя”» [3, с. 264]. В источнике нет упоминаний о высоком нравственном подвиге Нарышкина, который подчеркнут драматургом: он выходит к стрельцам, чтобы прекратить убийства – «да будет смерть моя последняя!». Софья и Одоевский посылают его на смерть ради собственного спасения, однако у С. М. Соловьева это прочерчено яснее: «Перетрусившийся старик, князь Яков Никитич Одоевский, не мог выдержать, стал торопить царицу»: у А. Ф. Писемского он только «подхватывает» идею отдать Нарышкина.

Таким образом, события первого действия представлены в трагедии с опорой преимущественно на два источника – «Историю

России...» С. М. Соловьева и статью П. К. Щебальского. Костюмы действующих лиц должны были соответствовать изображениям, помещенным в приложении к запискам Мейерберга. Во втором действии, посвященном Раскольничьему бунту, А. Ф. Писемский обращается к первому тому «Истории царствования Петра Великого» (1858), труду, основанному на большом количестве архивных материалов. Однако следует признать, что II–V действия трагедии почти свободны от авторских сносок: отталкиваясь от определенных событий, зафиксированных в исторических сочинениях, он создает все же не иллюстрацию к ним, а произведение с собственным замыслом, в котором отсылки к источникам лишь подчеркивают достоверность невероятных, казалось бы, по жестокости и нравственной низости событий.

Литература

1. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях / И. Е. Забелин. – М., 1915. – 181 с. – Часть II.
2. Писемский А. Ф. Полн. собр. соч.: В 24-х т. / А. Ф. Писемский. – СПб: изд. М. О. Вольф, М. – Т. 24: Драматические произведения. – 1896. – 244 с.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // Сочинения: В 18-ти кн. – Кн. 7. – Т. 13–14. – М.: Мысль, 1991. – 701 с.
4. Щебальский П. К. Правление царевны Софии / П. К. Щебальский // Русский вестник. – 1856. – №. 2. – С. 1-48.

Анотація

Н. А. Скриннік. Специфіка інтерпретації джерел в І дії п'єси О. Ф. Писемського «Милославські й Нарішкіни»

У статті розглядаються особливості інтерпретації джерел в п'єсі «Милославські й Нарішкіни», що відобразили драматичний період російської історії 1689 р. Серед багаточисельних джерел, що містять подробиці Стрілецького бунту, основними є XIII і XIV тт. «Історії Росії...» С. М. Соловйова і стаття П. К. Щебальського «Царівна Софія Олексіївна» (1856). О. Ф. Писемський зберігає імена історичних осіб, відтворює найдрібніші подробиці про їх участь в бунті. Проте в п'єсі ми знаходимо і розбіжності з джерелами в описі подій. Так, на відміну від С. М. Соловйова О. Ф. Писемський вводить в діалог князя Голіцина і князя Одоєвського лише згадку про ключові моменти, слова історика вкладає у вуста князя Одоєвського, що бачив події, проте відомо, що Одоєвський не був учасником подій. О. Ф. Писемський зраджує історичній правді, змінюючи мотивування поведінки дійових осіб, але він залишається вірним психологічному малюнку ролі. З обширних описів С. М. Соловйова драматург відбирає фрагменти, які сприяють характеристиці етичного стану дійових осіб. Порівняно з джерелом О. Ф. Писемський змінює місце дії, скорочує протяжність події, укладаючи її в декілька реплік дійових осіб, інакше розставляє акценти. На відміну від П. К. Щебальського драматург заглиблює протиріччя в питанні престолонаслідування, що відповідає не стільки історичній, скільки художній правді. Таким чином, О. Ф. Писемський інтерпретував джерела згідно з власним задумом, а історичні факти були відправною крапкою для роздумів про іронію історії.

Ключові слова: стрілецький бунт, історична трагедія, історичні джерела, драматичне мотивування, психологічний малюнок ролі.

Аннотация

Н. А. Скринник. Специфика интерпретации источников в I действии пьесы А. Ф. Писемского «Милославские и Нарышкины»

В статье рассматриваются особенности интерпретации источников в пьесе «Милославские и Нарышкины», отразившей драматический период русской истории 1689 г. Среди многочисленных источников, содержащих подробности Стрелецкого бунта, основными являются XIII и XIV тт. «История России...» С. М. Соловьева и статья П. К. Щебальского «Царевна Софья Алексеевна» (1856). А. Ф. Писемский сохраняет имена исторических

лиц, воссоздает мельчайшие подробности об их участии в бунте. Однако в пьесе мы находим и расхождения с источниками в описании событий. Так, в отличие от С. М. Соловьева А. Ф. Писемский вводит в диалог князя Голицына и князя Одоевского лишь упоминание ключевых моментов, слова историка вкладывает в уста князя Одоевского, видевшего события, однако известно, что Одоевский участником событий не был. А. Ф. Писемский изменяет исторической правде, меняя мотивировку поведения действующих лиц, но остается верным психологическому рисунку роли. Из обширных описаний С. М. Соловьева драматург отбирает фрагменты, которые способствуют характеристике нравственного состояния действующих лиц. В сравнении с источником А. Ф. Писемский меняет место действия, сокращает протяженность события, заключая его в несколько реплик действующих лиц, иначе расставляет акценты. В отличие от П. К. Щебальского драматург углубляет противоречия в вопросе престолонаследия, что отвечает не столько исторической, сколько художественной правде. Таким образом, А. Ф. Писемский интерпретировал источники согласно собственному замыслу, а исторические факты были отправной точкой для раздумий об иронии истории.

Ключевые слова: стрелецкий бунт, историческая трагедия, исторические источники, драматическая мотивировка, психологический рисунок роли.

Summary

N. A. Skrinnik. Specific Nature of Sources Interpretation of Sources in the First Act of A. F. Pisemsky's play «The Miloslavskys and The Naryshkins»

The article discusses the features of interpretation of sources in the play «The Miloslavskys and The Naryshkins», which reflected the dramatic period of Russian history in 1689. Among the many sources that contain the details of the Rebellion of the Archers, the main ones are XIII and XIV vols. «History of Russia...» S. M. Solovyov and P. K. Schebalsky article «Princess Sophia» (1856). A. F. Pisemsky stores the names of historical figures, recreates the smallest details of their participation in the riot. However, in the play we find discrepancies with sources in the event description. So, unlike S. M. Solovyov A. F. Pisemsky enters into dialogue Prince Golitsyn and Prince Odoevsky only references to the key moments, the words of the historian puts into the mouth of Prince Odoevsky who saw the events, but it's the well known fact that Odoevsky was not the participant of the events. A. F. Pisemsky changes the historical truth, changing

behavior motivation of actors, but remains true to the role of psychological pattern. From extensive description of the S. M. Solovyov the playwright selects fragments that contribute to the characteristic of the actors moral state. In comparison with the source A. F. Pisemsky changes scene, reduces the length of the event, confining it in several actors remarks, makes different accents. Unlike P.K. Schebalsky playwright deepening contradictions in the issue of succession, which is responsible not so much historical as artistic truth. Thus, A. F. Pisemsky interpreted sources according to their own ideas, and historical facts were the starting point for thinking about the irony of history.

Keywords: the Rebellion of the Archers, historical tragedy, historical sources, dramatic motivation, psychological pattern roles.

Інформація про автора

Скриннік Наталія Анатоліївна – ORCID: 0000-0001-9689-7390; пошукач кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; викладач німецької мови Харківської державної академії дизайну та мистецтв; вул. Червонопрапорна, 8, м. Харків, 61002, Україна;